

Марков Евгений Львович

Берег моря

Часть 2. Роман из крымской жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Берег моря: Часть 2. Роман из крымской жизни / Марков Евгений Львович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 296 с.

ISBN 978-5-519-95472-3

ISBN 978-5-519-95472-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Новый садъ.

Не только Сергѣй съ Евгеніемъ, но даже Анна была съ утра на работахъ.

Евгеній выходилъ изъ себя отъ горячности и работалъ съ такимъ неблагоразумнымъ увлеченіемъ юноши, что совсѣмъ выбился изъ силъ послѣ трехъ часовъ отчаянной работы киркою.

Дѣло въ томъ, что предсказаніе Анны сбылось. Она не даромъ унаслѣдовала отъ своего отца чутье крымскихъ мѣстностей и его опытность. Еще въ самомъ началѣ работъ, когда нужно было выбрать мѣсто для разчистки площадки подъ виноградникъ, Анна настойчиво совѣтовала Сергѣю раскапывать южную подошву Кастели. По нѣкоторымъ признакамъ она сообразила, что на этомъ мѣстѣ была древняя садовая тераса, засыпанная щебнемъ горы, какія очень часто встрѣчаются по всему южному берегу. Сергѣй уже давно убѣдился, насколько опытенъ въ этихъ дѣлахъ глазъ его жены, и сталъ копать именно тамъ, гдѣ она указывала.

Нѣсколько дней копали они втроемъ, не нападая ни на какой слѣдъ готовой терасы, хотя постоянно копались не въ материкѣ, а въ осыпяхъ. Только вчера, при самомъ окончаніи работъ, Сергѣй натолкнулся киркою на довольно толстую, сверху уже обрушенную стѣнку, сложенную насухо изъ дикаго камня. Это открытіе наполнило всѣхъ радостною тревогою. Сегодня встали раньше обыкновеннаго, пригласили на помощь Бекирова сына и еще двухъ ловкихъ татаръ изъ сосѣдней деревни и дружно принялись за раскопку.

Работа шла необыкновенно скоро. Осыпь не успѣла еще сплотиться и ~~сростись~~ въ цѣльную толщу и крошилась легко.

Съ радостнымъ изумленіемъ слѣдили всѣ глазами, не отрываясь отъ кирокъ, за постепеннымъ обнаженіемъ стѣны, погребенной подъ щебнемъ.

Татары-хозяева, хорошо знавшіе хозяйственную цѣну такого открытія, сочувственно подмигивали Аннѣ, указывая головой на расчищенное мѣсто, въ тѣ минуты, когда они отдыхали, опершись на кирки и тяжело отдуваясь.

Къ обѣду ясно обнаружился цѣлый уголъ ограды и ровный слой садовой земли, очевидно, когда-то насыпанной на терасу. Два очень толстыхъ корня масличнаго дерева откопаны были въ землѣ, а подъ мусоромъ найдены еще несгнившіе старые стволы одичавшей виноградины, свитые, какъ змѣи.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ древній греческій или генуезскій садъ, разведенный на искусственной почвѣ, по терасѣ, выруб-

ленной въ скатѣ горы... Онъ былъ обращенъ прямо къ югу и защищенъ горою отъ холодныхъ вѣтровъ, такъ-что представлялъ изъ себя природную теплицу.

Давно Головины не обѣдали съ такимъ удовольствіемъ и съ такимъ аппетитомъ, какъ въ этотъ день. Устали страшно, а на душѣ было весело отъ новой удачи.

Татары, помогавшіе въ работѣ, принимали участіе въ общей трапезѣ, которая состояла на этотъ разъ изъ холодныхъ остатковъ вчера изжаренной дикой козы, сухаго чернослива и горячаго кофе.

— Благодаря Аннѣ, теперь мы къ веснѣ съ готовымъ садомъ, говорилъ Сергѣй, весьма дѣятельно убиравшій козлятину. — Почва готова, ограду немного поправимъ, а весною и садить можно. Если наше хозяйство всегда будетъ идти такъ удачно, то скоро наша крошечная пустынька сдѣлается дорогимъ мѣстомъ.,.

— Ты помнишь, что говорила я тебѣ, когда мы покупали Адамъ-Чокракъ? улыбнулась Анна, которая радовалась больше всѣхъ, что ея предсказанія оправдались.—Я шутя сказала тебѣ, что мы покупаемъ не одну скалу, но и исторію. Вотъ она и есть—эта исторія: наверху водопроводъ, внизу садъ. Посмотри, если черезъ нѣсколько лѣтъ мы не обратимъ Адамъ-Чокракъ въ золотое гнѣздышко.

— Ты, сестра, я знаю, еще что-то задумываешь вскричалъ со смѣхомъ Евгеній, которому вино возвратило упавшія силы и который чувствовалъ теперь во всемъ тѣлѣ сладостный жаръ. — Я замѣ-

тилъ, что ты цѣлую недѣлю ходишь съ своей ботанической лопаткой по той тропинкѣ надъ берегомъ и что-то розыскиваешь... Право, ты великій инженеръ, гидротехникъ и не знаю еще что!.. Вотъ говорятъ, женщины не способны къ техническимъ профессіямъ; желалъ-бы я, чтобы эти проповѣдники посмотрѣли на тебя среди твоихъ родныхъ скалъ! Что-бы сказали они?.. Серьезно, Сергѣй, ты не знаешь, что это она еще задумываетъ?

— Какъ не знать! засмѣялся Сергѣй. — Твоя сестра всегда беретъ меня въ совѣтники, хотя ей давно пора-бы убѣдиться, что во всѣхъ этихъ дѣлахъ я только послушный ея ученикъ, а она великій маэстро, профессоръ!

— Она—геній этихъ дѣлъ, Сергѣй, ей-богу! отъ души побожился Евгеній, смотря на свою сестру торжествующими глазами.

— Геній или не геній, въ свою очередь засмѣялась Анна,— острите, какъ хотите, а только я не буду счастлива, пока не добьюсь своего. Я хочу обратить наши скалы въ такіе-же счастливые и обильные уголки, какими они были при древнихъ грекахъ и генуэзцахъ. Пусть и мнѣ поставятъ такой же мраморный памятникъ, какой нашли въ развалинахъ Херсонеса: «Народъ Агазиклектею, насадителю и разводителю виноградной лозы». Право, это недурной памятникъ, по моему мнѣнію, и стоитъ тѣхъ, на которыхъ генералы топчутъ сапогами знамена.

— О, нѣтъ, шутливо вскричалъ Евгеній,—тебя слѣдуетъ изобразить на памятникѣ въ видѣ нимфы ручья, напояющей окрестность изъ опрокинутой

урны, и подписать: «Аннѣ, даровательницѣ водъ, устроительницѣ плодородія, благодарный татарскій народъ». Правда вѣдь, Бекирь?

— Правда, правда! съ небрежной шутливостью отвѣчалъ Бекирь, погруженный въ свой кофе.— Ты думалъ, мой слушалъ, что твой болталъ! Твой лучше болталъ, мой лучше кушалъ.

— Если бы твоя сестра жила во времена генуэзцевъ, вмѣшался Сергѣй,—то ужъ, разумѣется, республика назначила-бы ее на должность какого нибудь великаго гидротекта всей Хозаріи и Готіи, и она-бы завѣдывала распредѣленіемъ водъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я ограничусь кастельскимъ водопроводомъ! возразила Анна. Сергѣй до сихъ поръ останавливаетъ меня въ предпріятіи, которое нисколько не менѣе важно... Конечно, я могу дать только мысль, общія указанія, но что я могу сдѣлать безъ Сергѣя? Особенно въ дѣлѣ, о которомъ нужно хлопотать нѣсколько лѣтъ, къ которому нужно привлечь и земство, и множество татарскихъ общинъ, и мало-ли еще кого! Право, игуменъ Софроній въ этомъ случаѣ гораздо покладливѣе тебя. Онъ мнѣ прямо сказалъ, что если отъ Біюкъ-таша начнутъ проводить береговую дорогу, то онъ берется устроить семь верстъ, которыя пройдутъ ниже его лѣсовъ, на счетъ монастыря.

— А, такъ вотъ что! вотъ гдѣ твоя тайна! подхватилъ Евгеній.—По-моему, это дивная мысль! Дорога по берегу—и куда?

— До самой Алушты, а тамъ должна быть непременно пристань, отвѣчала Анна; — согласись

Сергѣй, что на всемъ нашемъ побережьѣ вино, фрукты, сама земля стануть тогда гораздо дороже. Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ вѣкъ оставаться при той дикости и скудости, которою теперь страдаютъ здѣшнія хозяйства. Вѣдь это только теперь тутъ безплодныя скалы, а загляни-ка въ описанія старыхъ путешественниковъ, старыхъ писателей. Эти самыя мѣста кипели плодородіемъ, многолюдствомъ. Знаешь, когда я перечитываю описанія разныхъ Рубруквисовъ, Бузбековъ, Броніевскихъ, я ничѣмъ такъ не интересуюсь, какъ этими поразительными подробностями о хозяйственныхъ богатствахъ древняго Крыма. Господи, чего только не было здѣсь, у этихъ трудолюбивыхъ греческихъ пчелъ! Вотъ ужъ видно, что это былъ народъ, сотворившій человѣческую цивилизацію. Онъ покрылъ эти голыя скалы чуть не тропическими растеніями, развелъ маслину, инжиръ, орѣхъ, гранаты, виноградники, миндаль, персикъ, шелковицу, мало-ли еще чего! А куда все это дѣвалось теперь? Всѣ горныя лѣса полны одичавшими фруктовыми деревьями; сколько цистернъ, водопроводовъ осталось отъ прошлаго подъ обломками скалъ!.. Я ни сколько не сомнѣваюсь, что въ древности шла прекрасная шоссированная дорога черезъ наши мѣста изъ Судака въ Алушту. Въ трехъ мѣстахъ я уже видѣла несомнѣнно древнія арки мостовъ и несомнѣнные слѣды шоссе по обрывамъ. Дайте мнѣ только средства, и я докажу всѣмъ, что я не фантазирую. А средства долженъ добыть Сергѣй,— это ужъ его дѣло. Если самое шоссе и не уцѣлѣло, то все-таки мы откапываемъ его мѣсто.

Они въ это время кончили свой кофе и перешли въ рабочій кабинетъ полежать немного на его низенькихъ татарскихъ топчакахъ.

— Эхъ, славно теперь вытянуться послѣ работы! произнесъ улыбаясь Сергѣй, съ наслажденіемъ потягиваясь на диванѣ.

Анна сѣла около него.

— Не отстану отъ тебя, сказала она, — давай мнѣ слово при братѣ, что ты возьмешься за этотъ планъ.

— Давай ей слово, братъ, выѣшался шутливо Евгеній.— Вѣдь ты знаешь сестру—все равно, по-своему сдѣлаетъ.

Сергѣй задумался.

— Вотъ что, сказалъ онъ, закладывая руки подъ голову и глядя въ потолокъ, съ чувствомъ благодушія хорошо поѣвшаго работника, отдыхающаго отъ своей работы.—Я тебѣ по правдѣ признаюсь, Анна. Тебѣ, впрочемъ, и признаваться нечего; ты уже сколько разъ отъ меня это слышала, а я нарочно при Евгеніѣ говорю, чтобы и онъ зналъ. Пусть онъ не думаетъ обо мнѣ лучше, чѣмъ я дѣйствительно есть. Что-же дѣлать, у всякаго свой грѣхъ. А только я боюсь твоего плана,—понимаешь, Анна, боюсь.

— Какъ это «боюсь»? Чего тутъ бояться? спросила Анна.

— Да вотъ чего бояться: мы вѣдь ушли сюда отъ всякихъ широкихъ затѣй, чтобы жить въ одиночку, глазъ-на-глазъ съ природой, работать въ потѣ лица своего и наслаждаться тѣми простыми

радостями, которыя не отняты даже у птицы и звѣря.

— Ну да, хорошо; конечно, это такъ; но вѣдь мы же съ тобой не отвернулись черезъ это отъ обязанностей къ своимъ ближнимъ, къ людямъ. Вѣдь ты же не прогоняешь татаръ, которые идутъ къ тебѣ за совѣтами! Вѣдь ты же употребилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ труда на водопроводъ, который гораздо нужнѣе татарамъ, чѣмъ намъ!

— Все это такъ, душа моя, но все это имѣетъ предѣлы; все это minimum моихъ извѣстныхъ уступокъ общественному долгу... Расширять этотъ minimum мнѣ очень, очень страшно. Незамѣтно покинешь свой счастливый пустынный уголокъ, въ которомъ мы нашли столько душевнаго спокойствія, и опять выскочишь на этотъ толкучій рынокъ, который въ Крапивинскомъ уѣздѣ называютъ «общественною жизнью». Богъ съ нею совсѣмъ! Вотъ ты сама сказала: надо земство привлечь, общество. Привлечь—значить ѣздить, толкаться съ ними тамъ, гдѣ они толкаются... Развѣ это то, чего мы искали на берегу моря?

Голосъ Сергѣя звучалъ искреннимъ огорченіемъ. Анна что-то раздумывала, а Евгеній и сердцемъ и глазами прильнулъ къ Сергѣю, ожидая съ внутреннимъ волненіемъ, чѣмъ разрешится спорный вопросъ. Евгеній былъ такого высокаго понятія объ умѣ своего зятя и своей сестры и до сихъ поръ такъ твердо былъ увѣренъ въ ихъ согласіи другъ съ другомъ рѣшительно во всѣхъ вопросахъ, что настоящій споръ привелъ его въ немалое изумленіе.